

DOI 10.24411/2686-9764-2019-00005

УДК 343.01

Вопросы дифференциации в механизме уголовно-правового воздействия: постановка проблемы

И. В. ДВОРЯНСКОВ – профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета ВПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

А. П. ФИРСОВА – прокурор отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних прокуратуры г. Москвы, кандидат юридических наук

Реферат

В статье анализируются негативные тенденции в конструировании уголовного законодательства, исследуется этимология термина «дифференциация», очерчивается круг смежных проблем (криминализация, юридическая техника, механизм уголовно-правового воздействия), определяется алгоритм дифференцированного подхода к правоограничению средствами уголовного права.

Действующему уголовному законодательству недостает лаконичности, терминологической однозначности, понятийной уникальности и последовательности. В связи с этим первоочередными задачами уголовно-правовых исследований являются конкретизация законодательства, толкование его смысла и структурирование содержания.

Видятся обоснованными проведение содержательного анализа уголовно-правовых норм, выявление функционального значения образованных ими институтов и установление субординации последних. Одним из решений обозначенной проблемы может стать применение специальной технической терминологии (механизм, дифференциал, дифференциация).

Дифференциацию в уголовном праве целесообразно рассматривать в структуре механизма уголовно-правового воздействия. Этимологический разбор данной категории позволяет заключить следующее: дифференциация в уголовном праве есть деление уголовно-правового воздействия (правоограничения) на отдельное, частное, нетождественное по своим качественным и количественным признакам, установление принуждения при разных условиях, детерминированных общеправовыми принципами (гуманизма, справедливости, экономии репрессии и пр.).

Наибольшую сложность в плане установления соотношения правовых средств дифференциации уголовно-правового воздействия представляют вопросы разграничения проблем криминализации и квалификации преступлений.

Представляется, что значение дифференциации уголовно-правового воздействия выходит за рамки содержательных последствий совершения общественно опасного деяния. Подобно математическому дифференциалу, производится конкретизация институтов и осуществляется дальнейшее совершенствование уголовно-правовых норм, выстроенных в порядке взаимодействия при первоначальном избрании и последующей реализации уголовно-правового воздействия.

Условно постоянной величиной при дифференциации уголовно-правового воздействия можно назвать санкцию статьи Особенной части УК РФ, содержащую типовой объем государственного принуждения за совершение типового общественно опасного деяния.

За переменную величину могут быть приняты используемые в зависимости от определенных условий (юридических фактов) приращения либо исключения правоограничений, корректирующие при избрании судом типовое уголовно-правовое воздействие.

Ключевые слова: уголовно-правовое воздействие; механизм уголовно-правового воздействия; уголовная ответственность; наказание; дифференциация в уголовном праве.

12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Differentiation issues in the mechanism of criminal law influence: statement of the problem

I. V. DVORYANSKOV – Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Professor;

A. P. FIRSOVA – Prosecutor of the Department for Supervision over Adherence to Laws of the Procurator's Office in Moscow, PhD. in Law

Abstract

The article analyzes the negative trends in the construction of criminal legislation, examines the etymology of the term "differentiation", outlines a range of related problems (criminalization, legal technique, the mechanism of criminal law exposure), determines an algorithm for a differentiated approach to restriction of law by the means of criminal law.

The current criminal law lacks conciseness, terminological uniqueness, conceptual uniqueness and consistency. In this regard the priority tasks of criminal law research are the specification of legislation, the interpretation of its meaning and the structuring of content.

It seems reasonable to conduct a meaningful analysis of criminal law, identify the functional significance of the institutions it has established and establish the subordination of the latter. One of the solutions of this problem may be the use of special technical terminology (mechanism, differential, differentiation).

Differentiation in criminal law should be considered in the structure of the mechanism of criminal law influence. The etymological analysis of this category allows us to conclude the following: differentiation in criminal law is a division of the criminal law influence (legal restrictions) into a separate, private, non-identical in its qualitative and quantitative characteristics; the establishment of coercion under different conditions determined by general legal principles (humanism, justice, the economy of repression, etc.).

The greatest difficulty in terms of establishing the correlation of legal means of differentiating criminal law exposure is represented by the issues of delimiting criminalization and qualification of crimes.

It seems that the significance of differentiating criminal law exposure goes beyond the meaningful consequences of committing a socially dangerous act. Similar to the mathematical differential the institutes are concretized, and the criminal law norms are further improved, built in the order of interaction during the initial election and the subsequent implementation of the criminal law influence.

A conditionally constant value for the differentiation of criminal law exposure can be called the sanction of the article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, containing the typical amount of state coercion for the commission of a typical socially dangerous act.

For a variable value increments or exclusions of legal restrictions that are used, depending on certain conditions (legal facts) can be taken, which correct a typical criminal legal effect when a court elects it.

Key words: criminal law influence; criminal law mechanism; criminal liability; punishment; differentiation in criminal law.

12.00.08 – Criminal law and criminology; penal law

Понятие уголовно-правового воздействия является системообразующим в теории уголовного права. Четкое определение его границ и содержания позволяет рассматривать взаимообусловленность уголовно-правовых явлений, устанавливать объемы смежных понятий, отслеживать формально-логические и корреляционные связи. Новые возможности для уголовно-правовых исследований предоставляют техничные научные конструкции, например механизм действия права.

Механизм уголовно-правового воздействия предлагается понимать как абстрактную конструкцию, имеющую прикладное научно-практическое значение и представляющую собой модель реакции государства на совершение общественно опасного деяния в развитии, исходя из системной организации сущности, временных границ, содержания, объекта и предмета уголовно-правового принуждения [11; 12; 13].

Само уголовно-правовое воздействие и его механизм суть различные правовые

категории, поскольку в модели механизма уголовно-правового воздействия рассматриваются не только сами меры правоограничения, но и служебные по отношению к ним институты, регламентирующие вопросы избрания таких мер, установления первоначального объема и последующей коррекции их содержания.

Значение такого рода исследований не вызывает сомнений. Действующему уголовному законодательству недостает техничности изложения. За последнее десятилетие кодекс еще более отошел от лаконичности, краткости формулировок, терминологической однозначности, понятийной уникальности и последовательности.

К примеру, уже в ст. 2–4 УК РФ применительно к смежным понятиям используется дублирующая терминология: уголовная ответственность, наказание, иные меры уголовно-правового характера, иные уголовно-правовые последствия. При этом законодательное определение дается лишь наказанию.

Можно выявить ряд уголовно-правовых положений, избыточных по своей конкретизации, смысл которых предполагается изложением основного уголовно-правового правила. В качестве примера можно привести ст. 63.1 УК РФ, содержащую положение о применении общего порядка назначения наказания в случае нарушения лицом досудебного соглашения о сотрудничестве.

Согласно ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ в случае заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при наличии таких смягчающих обстоятельств, как явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступления, изобличению и уголовному преследованию других соучастников преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления, и при отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК РФ. Если санкцией предусмотрены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, эти виды наказания не применяются, а наказание в виде лишения свободы не может превышать двух третей от максимального в санкции.

Сама формулировка данных уголовно-правовых норм предполагает применение конкретизирующей уголовно-правовое воздействие нормы о его смягчении при условии наличия конкретных обстоятельств

(фактических и уголовно-процессуальных), с которыми связано такое преобразование уголовно-правового воздействия подлежащей применению санкции статьи Особенной части УК РФ в сторону сокращения объема правоограничительного влияния на правовой статус лица, совершившего преступление.

В роли данных условий выступают: во-первых, имевший место юридический факт, связанный с вышеперечисленными активными действиями совершившего преступление лица и, во-вторых, юридический факт об установлении особых уголовно-процессуальных отношений (досудебное соглашение о сотрудничестве). Для применения нормы о сокращении уголовно-правового воздействия на момент его избрания обязательно установление обоих обстоятельств, каждое из которых не должно утратить своей актуальности.

Таким образом, несоблюдение любого из двух условий изменения правоограничения ведет к сохранению первоначального объема санкции. Следовательно, конкретизация положения ст. 63.1 УК РФ, закрепляющего порядок назначения наказания в случае нарушения досудебного соглашения о сотрудничестве, является излишней. Согласно указанной норме, если установлено, что заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве лицом были предоставлены ложные сведения или сокрыты от следователя либо прокурора какие-либо иные существенные обстоятельства совершения преступления, суд назначает наказание в общем порядке без применения положений ч. 2–4 ст. 62, ст. 64 УК РФ. Данная уголовно-правовая норма не содержит нового правила, это, скорее, толкование и разъяснение других уголовно-правовых норм.

Такое уточнение вполне оправданно в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, но в самом уголовном законе оно избыточно, поскольку лишь размывает и усложняет структуру кодекса.

Казуистичным и бессистемным видится подход законодателя к регламентации уголовно-правового воздействия в зависимости от наличия рецидива преступления. Законодателем явно обозначена тенденция к существенному ужесточению уголовно-правовой реакции на преступное деяние, совершенное в отношении половой неприкосновенности несовершеннолетнего, что на фоне общей лояльности к рецидивной преступности, а также ситуации с охраной иных объектов применительно к несовер-

шеннолетним (жизни и здоровья, например) вызывает у криминалистов недоумение [7].

Казуистичностью характеризуются не только отдельные нормы Особенной части УК РФ [1], но и нормы его Общей части. К примеру, нормы, закрепляющие обязанность пройти курс лечения от наркомании, становятся многофункциональным институтом, когда обязанность возлагается совокупно с наказанием и составляет содержание условного осуждения либо отсрочки отбывания наказания (ст. 72.1, ч. 5 ст. 73, 82.1 УК РФ соответственно).

Так, при назначении ряда наказаний, не связанных с изоляцией от общества (штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы), на лицо, признанное больным наркоманией, судом может быть возложена обязанность пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию.

С криминологической точки зрения эта мера вполне оправдана. Во-первых, по данным статистики ФСИН России за 2017 г., из числа состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях 3,68 % человек больны наркоманией, из них ранее судимы 56,13 %, повторно совершили преступления после постановки на учет 6,51 %. Во-вторых, употребление наркотиков увеличивает вероятность совершения повторных преступлений вследствие снижения самоконтроля и возобладания биологических инстинктов над социальными установками.

Более того, из числа лиц, состоявших на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, 1,12 % совершили преступления в состоянии наркотического опьянения, из них 48,04 % ранее имели судимости, в отношении 6,24 % осужденных данной категории возбуждены уголовные дела за преступления, совершенные после постановки на учет.

Справедливости ради следует сказать, что схожая статистика наблюдается в отношении лиц, страдающих алкоголизмом. Заболевание алкоголизмом отмечается у 1,17 % осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, из них ранее имели судимости 46,68 %, а повторные преступления совершили 6,91 %. В состоянии алкогольного опьянения совершили преступления 12,49 % осужденных к наказаниям и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией осужденных от общества, из них ранее имели су-

димости 44,11 %, а повторные преступления совершили 3,68 %.

Однако анализируемая норма на больных алкоголизмом не распространяется. Хотя типовые приемы юридической техники и последовательное их законодательное использование существенно упростили бы структуру УК РФ, позволили привести к единообразию судебную практику.

Сложность правоприменения заключается в том, что при отбытии основного наказания осужденные фактически перестают исполнять возложенную на них обязанность пройти лечение. Этому способствует правовая неопределенность относительно взаимосвязи исполнения наказания и назначенной дополнительно обязанности. Как правило, данные правоограничения исполняются одновременно. Примером может служить исполнение при условном осуждении обязанностей, которые назначаются в соответствии с ч. 5 ст. 73 УК РФ: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации. Суд может возложить на условно осужденного исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению. При этом исполнение данных обязанностей неразрывно связано с условным осуждением и осуществляется в рамках испытательного срока. Более того, полагаем, что эти обязанности составляют содержание рассматриваемой меры. Этот вывод подтверждается и тем, что уклонение от исполнения возложенных обязанностей квалифицируется как нарушение режима условного осуждения и является основанием наступления ответственности, а также в определенных случаях отмены условного осуждения.

Аналогично регламентируется применение принудительных мер медицинского характера. Более того, их исполнение подкреплено уголовно-правовой гарантией, предусмотренной в ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера».

Возвращаясь к мере, предусмотренной ст. 72.1 УК РФ, отметим, что указанной нормой контроль за исполнением осужденным

обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию возложен на уголовно-исполнительные инспекции. Вместе с тем механизм такого контроля, основания его прекращения, средства воздействия на осужденного в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве четко не прописаны.

На практике возникают вопросы: прекращается ли реализация обязанности осужденного пройти лечение при отбытии им основного наказания? как учитывать таких лиц (как осужденных, как отбывших наказание, или как-то иначе)? В силу этого представляется необходимым придать указанной мере самостоятельный характер и отнести ее к принудительным мерам медицинского характера с соответствующим уголовно-исполнительным и обеспечительным порядком [3].

Таким образом, каждая из уголовно-правовых норм, обязывающих (либо поощряющих) пройти курс лечения от наркомании, работает самостоятельно, с точки зрения юридической техники здесь не просматривается единства терминологии, что имеет несомненное значение не только для решения вопросов обыденного уяснения смысла законодательства и повышения общей превенции уголовно-правовых норм, но и для единообразного и обоснованного правоприменения. Принципиальным отличием указанных положений выступает характер обязанности в механизме уголовно-правового воздействия. Применительно к ст. 82.1 УК РФ рассматриваемая норма является поощрительной условной формой освобождения от отбывания наказания, желательной для субъекта, претерпевающего уголовно-правовые ограничения. Во всех остальных случаях обязанность пройти курс лечения составляет содержание комплекса лишений и ограничений прав, применяемого судом принудительно, независимо от желания субъекта.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что первоочередной задачей уголовно-правовых исследований является конкретизация действующего уголовно-правового законодательства, толкование его смысла и структурирование содержания.

По общеправовой терминологии элементы механизма уголовно-правового воздействия (формы, меры) следует именовать правовыми средствами. Правовыми средствами могут считаться не все уголовно-правовые институты и отдельные нормы, касающиеся регулирования вопросов

о применении мер уголовно-правового характера. Необходим избирательный, дифференцированный подход. Видятся обоснованными проведение содержательного анализа уголовно-правовых норм, выявление функционального значения образованных ими институтов и установление субординации последних.

Термин «дифференциация» традиционно употребляется в уголовном праве в контексте уголовной ответственности и наказания. Поскольку исследовательская база дифференциации уголовно-правового воздействия ограничена, с определенной долей условности можно принять за основу имеющиеся модели дифференциации смежных понятий.

Так, Л. Л. Кругликов и А. В. Васильевский под дифференциацией уголовной ответственности понимают разделение, расслоение последней в уголовном законе на различные уголовно-правовые последствия. При этом дозировка уголовной ответственности производится с учетом определенного рода обстоятельств, целью ее является создание для правоприменителя желаемого режима при определении меры (вида и размера) ответственности за совершенное правонарушение [4, с. 56, 62].

Авторами предложено разделять средства и обстоятельства дифференциации. К средствам дифференциации уголовной ответственности отнесено все, что служит разделению, расслоению, градации последней. Рассматриваются средства дифференциации ответственности нормами Общей части УК РФ и средства дифференциации ответственности нормами его Особенной части. В числе первых названы категории преступлений, освобождение от уголовной ответственности и наказания по нереабилитирующим основаниям, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и др. Дифференциация уголовной ответственности в Особенной части УК РФ осуществляется посредством квалифицированных составов (квалифицирующих признаков) и соответствующих им новых рамок наказуемости; использования специальных видов освобождения от уголовной ответственности; относительно определенных, альтернативных и кумулятивных санкций; допущения возможности (факультативности) применения дополнительных наказаний [4, с. 63–64].

Следует заметить, что в данной теории категория дифференциации не является системообразующей. Содержание понятия формируется посредством перечисления

институтов и норм, влияющих на избрание и конкретизацию уголовно-правовых мер. Различается дифференциация оснований уголовной ответственности, формы (вида) ответственности, объема уголовной ответственности и уголовного наказания [4, с. 59].

Е. В. Рогова рассматривает дифференциацию уголовной ответственности в двух аспектах: во-первых, как «разделение мер уголовно-правового характера, применяемых за совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, на основании характера и степени общественной опасности преступления и личности виновного в целях достижения баланса между строгостью ответственности за тяжкие преступления и мягкостью за преступления, не представляющие большой общественной опасности», во-вторых, как осуществляемый законодателем «метод уголовно-правовой политики, цель которого состоит в достижении максимального учета при закреплении уголовно-правовых норм, дифференцирующих уголовную ответственность, степени и характера общественной опасности преступления, определенных личных характеристик виновного и условий, способствующих совершению преступления» [8].

Понятийный аппарат дифференциации уголовной ответственности, по мнению Е. В. Роговой, образуют такие категории, как виды, средства, основания, критерии дифференциации. К сожалению, содержание данных понятий автором не раскрывается [8].

В уголовно-правовой литературе можно встретить и иные подходы к систематизации и реализации механизма уголовно-правового воздействия.

В. М. Степашин рассматривает механизм уголовно-правового воздействия сквозь призму экономии мер уголовной репрессии. Он считает, что это есть основополагающий принцип, содержание которого по объему гораздо шире, чем общие начала назначения наказания (ст. 60 УК РФ), и не сводится к содержанию принципов гуманизма, дифференциации ответственности, а также принципов уголовной политики. «Экономия репрессии как уголовно-правовая идея предполагает отказ от применения наиболее репрессивных мер в рамках уголовной ответственности, а равно от применения самой уголовной ответственности, поскольку исходит из презумпции достижения всех целей уголовной ответственности более экономичным, а потому оптимальным и наиболее рациональным путем» [10].

По мнению В. М. Степашина, экономия репрессии базируется на следующих положениях:

1) презумпция обоснованности уголовно-правового запрета и презумпция обоснованности самого применения мер уголовно-правового воздействия;

2) возможность выбора правоприменительного решения «в рамках разумной свободы судебного усмотрения»;

3) условный характер репрессий, при котором применение наиболее щадящей меры государственного принуждения должно компенсироваться механизмом обеспечения ее реализации (вплоть до установления возможности замены избранной меры на более строгую и (или) криминализации наиболее опасных форм уклонения осужденного от отбывания меры воздействия);

4) минимизация негативного влияния применяемой репрессии на правовое (и фактическое) положение других участников возникающих при этом отношений (потерпевшего, членов семьи на иждивении осужденного и т. д.) [10].

При этом, используя терминологию В. М. Степашина, нормативно установленные средства или конкретно-юридические основания минимизации репрессии разнообразны и включают в себя пределы уголовно-правового воздействия в целом и в отношении отдельных уголовно-правовых мер, правила назначения наказания и прочие уголовно-правовые институты [10].

Можно заметить в этом некоторое сходство с конструкцией дифференциации ответственности, однако объем понятия не ограничен рамками привлечения к уголовной ответственности и проблемы дифференциации составляют лишь один из аспектов экономии мер уголовной репрессии. Автором выявляются определенные иерархические связи между смежными институтами, обосновывается некий алгоритм установления и избрания правоограничения в ответ на совершение общественно опасного деяния.

Не со всеми приведенными положениями можно согласиться. Представляется, что сам выбор термина «экономия мер уголовной репрессии» не совсем удачен, тем более субординация и соотношение уголовно-правовых принципов составляют самостоятельную проблему.

Исходя из изложенного, основные проблемы теории дифференциации в уголовном праве можно сформулировать следующим образом:

- обоснованность криминализации деяния и соотношение данного процесса с дифференциацией уголовно-правового воздействия;

- вариативность уголовно-правового воздействия, превышающего объемы понятий мер правоограничения при уголовной ответственности и наказании;

- принадлежность к дифференциации уголовно-правового воздействия отдельных институтов и уголовно-правовых норм;

- границы судебного усмотрения в решении вопроса об избрании уголовно-правового воздействия;

- пределы постпенитенциарного изменения уголовно-правового воздействия;

- терминологический аппарат дифференциации правоограничений в уголовном законодательстве и теории уголовного права.

Принимая во внимание этимологию, полагаем, что наиболее обоснованно применение термина «дифференциация» именно к уголовно-правовому воздействию, а не к уголовной ответственности.

Содержательное наполнение уголовной ответственности как обязанности претерпевания государственного принуждения и субъективного восприятия уголовно-правовых мер сложно поддается делению средствами уголовно-правовых категорий и явно выходит за рамки уголовно-правового регулирования.

Кроме того, терминологическое сочетание «дифференциация уголовной ответственности» явно не охватывает все вариации уголовно-правовой реакции на совершение общественно опасного деяния (в частности, принудительные меры медицинского характера), в связи с чем в специальной литературе стало использоваться наряду с данным понятие «дифференциация ответственности в уголовном праве» [4, с. 55].

Представляется необходимым формально упорядочить средства уголовно-правовой дифференциации, используя категориальные возможности механизма уголовно-правового воздействия и учитывая этимологию данного терминологического сочетания.

В самом общем виде под дифференциацией понимается операция деления на части, однако аналогичное значение имеют и иные специальные термины (классификация, например). Однако нас интересует узкоспециальное, а затем и юридическое применение термина «дифференциация». Изначально это слово использовалось в ма-

тематике, где термин «дифференциал» (от лат. *differentia*, фр. *differentiation* – разность, различие) означал бесконечно малое количество, различный, неодинаковый при разных условиях, а «дифференцировать» – расчленить целое на различные части, формы и ступени, различить отдельное, частное [5, с. 266; 6, с. 163; 9, с. 208–209].

Дифференциал – это, во-первых, линейная функция, приближенно равная некоторой функции в окрестности какой-нибудь точки или а) главная линейная часть приращения зависимой переменной величины (функции), приближенно выражающая значение этого приращения, б) приращение независимой переменной величины (аргумента); во-вторых, механизм, дающий возможность расположенным на одной оси вращающимся деталям двигаться с разной скоростью для совместной работы (специальная, техническая терминология), устройство, позволяющее получать результирующее движение как сумму или разность составляющих движений, в счетно-решающих механизмах используется для выполнения операции сложения [2, с. 438].

Отсюда дифференциация в уголовном праве есть деление уголовно-правового воздействия (правоограничения) на отдельное, частное. Результатом указанной операции не обязательно будут равные величины, скорее напротив, нетождественные по своим качественным и количественным признакам категории. Дифференциация сродни механизму, однако на первый план в данном случае выступает неравное применение принуждения при разных условиях, обусловленное неравенством как выражение общеправовых принципов (гуманизма, справедливости, экономии репрессии и т. д.).

Условно постоянной величиной дифференциации в уголовном праве можно назвать санкцию статьи Особенной части УК РФ, содержащую типовой объем государственного принуждения за совершение типового общественно опасного деяния.

За переменную величину могут быть приняты используемые при наличии определенных условий (юридических фактов) приращения либо исключения правоограничений.

Представляется, что значение дифференциации уголовно-правового воздействия выходит за рамки содержательных последствий совершения общественно опасного деяния. Подобно математическому дифференциалу производятся конкретизация институтов и дальнейшее совершенствование уголовно-правовых норм, выстроенных в

порядке взаимодействия при первоначальном избрании и последующей реализации уголовно-правового воздействия.

Наибольшую сложность в аспекте соотношения правовых средств дифференциации уголовно-правового воздействия составляют вопросы разграничения проблем криминализации и квалификации. Санкция уголовно-правовой нормы является конструктивным признаком состава преступления, а проблема обоснованности санкций и уголовно-правового запрета в целом в том или ином контексте затрагивается криминалистами при рассмотрении понятия дифференциации в уголовном праве [8; 10].

Детерминирующая связка «общественно опасное деяние – уголовно-правовое воздействие» несомненна, при этом обратной связи не предполагается, данная зависимость односторонняя, поскольку невозможно мерами уголовно-правового воздействия повлиять на состоявшийся юридический факт (общественно опасное деяние). Коррекции подвергается лишь посткриминальное поведение субъекта, в то время как охранительным потенциалом действия уголовно-правовой нормы превентивно определяется желательное поведение неограниченного круга лиц.

Осуществляя криминализацию деяния, законодатель косвенно создает предпосылки дифференцированного воздействия, однако это разные правовые явления, как сущностно, так и по целеполаганию, в связи с чем они не могут осуществляться как единая правовая деятельность.

Все изложенное свидетельствует о том, что недопустимо смешивать категории

дифференцирующих и квалифицирующих уголовно-правовых признаков как одноправленных средств уголовно-правовой юридической техники.

Отсюда к определению дифференциации средствами норм Общей и Особенной частей уголовного закона необходимо подходить весьма осторожно. Подчеркнем, установление признаков преступного неравнозначно дифференцированному подходу к уголовно-правовому воздействию.

Таким образом, проблемы дифференциации в уголовном праве целесообразно рассматривать в структуре механизма уголовно-правового воздействия. Этимология данной категории позволяет заключить следующее: дифференциация в уголовном праве есть деление уголовно-правового воздействия (правоограничения) на отдельное, частное, нетождественное по своим качественным и количественным признакам. Дифференциация есть установление принуждения при разных условиях, детерминированных общеправовыми принципами.

Условно постоянной величиной дифференциации в уголовном праве можно назвать санкцию статьи Особенной части УК РФ, содержащую типовой объем государственного принуждения за совершение типового общественно опасного деяния.

За переменную величину могут быть приняты используемые при наличии определенных условий (юридических фактов) приращения либо исключения правоограничений, корректирующие типовое уголовно-правовое воздействие при его первоначальном избрании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бавсун, М. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития / М. В. Бавсун // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – № 6. – С. 3–6.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. Том 1. А–З / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1981. – 699 с.
3. Дворянсков, И. В. Уклонение осужденного от обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию / И. В. Дворянсков // Уголовно-исполнительная система сегодня : материалы всероссийской научно-практической конференции (17–18 октября 2018 года) / ответственный редактор кандидат педагогических наук, доцент А. Г. Чириков. – Новокузнецк : ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2018. – С. 66–68. – ISBN 978-5-91246-100-2.
4. Кругликов, Л. Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Васильевский. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. – 300 с.
5. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – Москва : Эксмо, 2005. – 944 с. – ISBN 5-699-08073-2.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – Москва : Азъ, 1995. – 928 с.
7. Прохоров, Л. А. Дифференциация уголовной ответственности при рецидиве преступлений: соотношение законодательных подходов в нормах Общей и Особенной части УК РФ / Л. А. Прохоров, М. Л. Прохорова, Е. А. Жарких // Российский следователь. – 2018. – № 6. – С. 23–26.
8. Рогова, Е. В. Дифференциация уголовной ответственности / Е. В. Рогова // Российский следователь. – 2014. – № 21. – С. 30–32.
9. Современный словарь иностранных слов. – Москва : Русский язык, 2000. – 742 с.
10. Степашин, В. М. Содержание принципа экономии репрессии / В. М. Степашин // LexRussica. – 2017. – № 11. – С. 24–37.
11. Фирсова, А. П. Объект уголовно-правового воздействия : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / А. П. Фирсова. – Ульяновск, 2008. – 227 с.

12. Чучаев, А. И. Содержание уголовно-правового воздействия / А. И. Чучаев, А. П. Фирсова // LexRussika. – 2009. – № 5. – С. 1125–1140.
13. Чучаев, А. И. Уголовно-правовое воздействие: сущность и характеристика / А. И. Чучаев, А. П. Фирсова // LexRussika. – 2008. – № 6. – С. 1330–1347.

REFERENCES

1. Bavsun M. V. Differenciatsiya ugodovnoy otvetstvennosti za prestupleniya protiv sobstvennosti: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya [Differentiation of criminal liability for crimes against property: current status and development prospects]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika – Laws of Russia: experience, analysis, practice*, 2016, no. 6, pp. 3–6. (In Russ.).
2. Dal', V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka v 4 tomah. Tom 1* [Explanatory dictionary of living great Russian language in 4 vol. Vol. 1]. Moscow, 1981. 699 p. (In Russ.).
3. Dvoryanskov I. V. Uklonenie osuzhdennoy ot obyazannosti proyti lechenie ot narkomanii i medicinskuyu i (ili) social'nyuyu rehabilitatsiyu [Evasion of the convict from the obligation to undergo treatment for drug addiction and medical and (or) social rehabilitation]. *Materialy vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Ugodovno-ispolnitel'naya sistema segodnya»* [Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference «Penal System Today»]. Novokuznetsk, 2018, pp. 66–68. (In Russ.).
4. Kruglikov L. L., Vasil'evskiy A. V. *Differenciatsiya otvetstvennosti v ugodovnom prave* [Differentiation of liability in criminal law]. St. Petersburg, 2002. 300 p. (In Russ.).
5. Krysin L. P. *Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory Dictionary of Foreign Words]. Moscow, 2005. 944 p. (In Russ.).
6. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow, 1995. 928 p. (In Russ.).
7. Prohorov L. A., Prohorova M. L., Zharkikh E. A. Differenciatsiya ugodovnoy otvetstvennosti pri recidive prestuplenij: sootnoshenie zakonodatel'nykh podhodov v normah Obshchey i Osobennoy chasti UK RF [Differentiation of criminal liability in relapse: correlation of legislative approaches in the norms of the General and Special part of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator*, 2018, no. 6, pp. 23–26. (In Russ.).
8. Rogova E. V. Differenciatsiya ugodovnoy otvetstvennosti [Differentiation of criminal liability]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian investigator*, 2014, no. 21, pp. 30–32. (In Russ.).
9. *Sovremennyy slovar' inostrannykh slov* [Modern dictionary of foreign words]. Moscow, 2000. 742 p. (In Russ.).
10. Stepashin V. M. Soderzhanie principa ekonomii repressii [The content of the principle of saving repression]. *LexRussica*, 2017, no. 11, pp. 24–37. (In Russ.).
11. Firsova A. P. *Ob»ekt ugodovno-pravovogo vozdejstviya. Diss. kand. yurid. nauk* [Object of criminal law impact. Diss. PhD. in Law]. Ulyanovsk, 2008. 227 p. (In Russ.).
12. Chuchayev A. I., Firsova A. P. Soderzhanie ugodovno-pravovogo vozdejstviya [The content of the criminal law impact]. *LexRussica*, 2009, no. 5, pp. 1125–1140. (In Russ.).
13. Chuchayev A. I., Firsova A. P. Ugodovno-pravovoe vozdejstvie: sushchnost' i harakteristika [Criminal law impact: essence and characteristics]. *LexRussica*, 2008, no. 6 pp. 1330–1347. (In Russ.).

DOI 10.24411/2686-9764-2019-00006

УДК 343.22

Ретроспективный анализ понятий «преступление» и «субъект преступления»

О. Ю. КРЮКОВА – старший научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

Реферат

В статье рассмотрена история развития в российском уголовном праве одного из значимых элементов состава преступления – субъекта преступления, его обязательных признаков, а также понятия «преступление».

Анализ развития российского уголовного законодательства позволяет сделать вывод, что становление и совершенствование понятий «преступление» и «субъект преступления» происходят в зависимости от особенностей развития государства. Понятие преступления впервые появилось в XVIII в., а окончательно сформировалось в начале XX в., после чего не претерпевало существенных изменений.

Определение возраста уголовной ответственности – достаточно сложная проблема, которая по-разному решалась в различные исторические периоды. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. закрепили положение о наступлении уголовной ответственности с 16 лет, а за отдельные виды преступлений – с 14 лет, что нашло отражение в УК РСФСР 1960 г. и УК РФ 1996 г. Дальнейшие изменения касались лишь расширения и уточнения перечня преступлений, за которые уголовная ответственность наступала с 14 лет.